

Анна Яковлева

ЖЕНУХ
для

ЯЩЕРИЦЫ

16+

Анна Яковлевна Яковлева

Жених для ящерицы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43424072

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-09236-5

Аннотация

Витольда уже не надеялась выйти замуж и даже успела привыкнуть к одиночеству, мечтая хотя бы ребеночка себе родить. Но где в их маленьком городишке найти трезвого, здорового и дееспособного мужчину? Внезапно Витольда получает анонимное письмо с весьма откровенными признаниями, а вслед за письмом в ее жизни появляется сразу несколько мужчин...

Анна Яковлева

Жених для ящерицы

Любые совпадения с реальными людьми, компаниями, событиями случайны.

...Конверт не подавал никаких признаков жизни – был без подписи, без адреса, без штемпеля – и вызывал недоумение.

Я обнаружила его в почтовом ящике вместе с газетой, повертела, принесла домой, нашла ножницы (терпеть не могу, когда конверты надрывают), аккуратно разрежала, извлекла дважды сложенный стандартный лист, развернула и уставилась на него с нарастающим беспокойством – лист оказался чистым.

– Что за ерунда? – прошептала я холодея.

Душераздирающие истории о зараженных какой-нибудь язвой, или чумой, или радиацией письмах просочились и в наше захолустье.

Уняв дрожь, я подошла к окну и обследовала лист на свету. Косой луч солнца ослепил, заиграл на бумаге и высветил разводы.

– Симпатические чернила! – хмыкнула я, испытав невыразимое облегчение. – Кому, интересно, делать нечего?

Следующие двадцать минут я носилась с таинственным

письмом, как дурень со ступой: держала над паром, под ультрафиолетовым светом (не поленилась, достала с антресолей домашний кварцевый аппарат) – с тем же успехом могла выбросить листок: буквы не проявлялись. И только когда я сообразила поддержать лист над лампой, проступили письмена (иначе не скажешь) – буквы цвета молодой листвы. Завораживающее зрелище!

Послание было написано раствором хлорида кобальта – розовые таблетки продаются в любой ветеринарной аптеке.

Я на минуточку почувствовала себя Мата Хари. Эта дама использовала для тайной переписки хлорид кобальта – исторический факт: полицейские при задержании обнаружили пузырек с водным раствором CoCl_2 в ее сумочке.

Зеленые буквы сплетались в слова, слова – в строчки...

Тут меня ждало еще одно потрясение.

«Ты – самая сексуальная из всех женщин, – читала я, – меня заводят твои колени, грудь, бедра. Не проходит дня, чтобы я не представлял нас вместе. Если бы ты только знала, что я вытворяю с тобой в своих мыслях! К. М.».

Фу, пакость какая!

Кровь бросилась в лицо, мысли завертелись, как в барабане стиральной машины, в этом хаосе проблесковым маячком вспыхнула одна: может, это не мне? Ведь имени в письме нет, если на то пошло! Или все-таки мне?

Я отшвырнула листок. Выбросить эту гадость!

Или... Нет, ну его. Хотя...

Неровные строчки сами лезли в глаза: «Меня заводят твои колени, грудь, бедра...»

Я проверила грудь, бедра, колени – все было на месте, и все было... Пф!

Что там еще? А, еще вот это место: «Если бы ты только знала, что я вытворяю с тобой в своих мыслях!» Определенно псих... Не буду больше читать!

Если письмо все-таки адресовано мне, то почему мой тайный поклонник решил отослать его? Что должно было случиться, что подтолкнуло к этому?

Как я ни старалась, понять ничего не могла, только все больше расстраивалась.

Это все Дашка – каркала, каркала, вот и накаркала.

Строчки застряли в памяти, «...колени, грудь, бедра» – каруселью кружилось в голове.

Мысль о неизвестном авторе преследовала меня весь день, я не могла сосредоточиться даже в лаборатории. Кто такой К. М.? У меня не было и нет знакомых с такими инициалами!

Вконец измучившись, сбилась в расчетах и выдала липовую справку о качестве молока – впервые за одиннадцать лет!

...О магазинах шаговой доступности в нашем Заречье никто не слышал.

Ближайшая торговая точка располагается в полутора ки-

лометрах от улицы Майской, где я живу в доме с синей крышей за синим забором (мама обожала синий цвет).

В магазин идти ужас как не хотелось: невозможно было оторваться от романтической истории Франчески. Возлюбленного Франчески звали Рэй, он был вдвое старше и относился к девушке как к ребенку. Франческа испытывала все муки ада, а Рэй оставался высокомерным взрослым другом.

Книжка держала не хуже рыболовного крючка, но голод не тетка.

Я шла по тихим, утопающим в размокших весенних су-гробах улочкам, и размышляла о судьбах вообще и своей в частности.

Считается, что одна сторона жизни налаживается за счет другой. Я скрупулезно обследовала все стороны собственной жизни, пытаюсь понять, какая из них наладилась.

Полтора километра неспешным шагом шла по мартовской (близкой к апрелю) улице и проводила ревизию своей жизни в поисках того, что же все-таки наладилось, но так и дошла до магазина, не обнаружив ничего особенно позитивного.

Выходило, что в моем случае закон сохранения энергии не работал. После маминой смерти ничего не налаживалось. Никаких выигрышей в лотерею, весомых покупок, ремонтов, никаких судьбоносных встреч, даже зарплату не повышали уже два года. Ничего, ни хорошего, ни плохого, не происходило, словно я жила в персональном бункере – так в моей жизни было тихо и пусто.

Магазин располагался на перекрестке, его постоянной соседкой была немереная лужа. Несколько раз в году яму засыпали щебнем, но он быстро разлетался под колесами тяжелого транспорта, и лужа возрождалась к жизни, с каждым разом в прежней красе. Не лужа, а непотопляемые, встающие-из-пепла-Том-и-Джерри, честное слово!

С задумчивостью, которая уже стала моим альтер эго, я обошла озерцо, миновала припаркованное у входа черное большое авто и вошла в магазинчик. Автоматически поздоровалась с кассиршей Галкой и направилась к хлебным полкам.

Поначалу мне показалось, что в магазине нет никого, кроме Галки, но я ошибалась. Мужчина лет сорока, невысокого роста, широкий в кости, в черном полупальто и модной кепке на лысом черепе, выбирал хлеб.

Вопреки расхожему мнению о том, что сердце-вещун сжигается в предчувствии перемен, посылает какие-то сигналы, учащенно бьется или пропускает удары, мое сердце никак не просигналило и ничего мне не подсказало. Возможно потому, что я не доверяла своему сердцу. Оно меня подвело однажды, когда я на третьем курсе, как последняя дура, втрескалась в Степана Переверзева, а у него жена оказалась на сносях (как теперь принято говорить – в третьем триместре).

Из-за Степана я рассталась с достойным человеком. Достойнейшим. Возможно, лучшим из всех, с кем меня стлкивала жизнь.

К сожалению, Дима Тихомиров (говорящая фамилия) был жутко нерешительным. Дима проигрывал лихому гусару Переверзеву, который охмурял девиц на счет «раз», покоряя красотой и некоторыми признаками интеллекта в сочетании с наглостью, – убийственная, беспроигрышная комбинация.

После той истории я, как улитка, надолго втянула голову в домик и пропустила свое время. В итоге мои ровесницы уже ведут разговоры о Едином государственном экзамене, выбирают вузы для отпрысков, а я изобретаю способ забеременеть.

Незадачливый охотник за юбками, проказник Степа Переверзев сломал мне жизнь, даже не обратив на это внимания.

Но, что ни делается, – к лучшему! Собственно, с тех давних пор я и доверяю только рассудку и рациональному началу.

– Скажите, а вот этот хлеб заварной? – услышала я низкий голос.

Мне ничего не стоило рассказать мужчине, что я покупаю именно этот хлеб, потому что он заварной, потому что он с тмином и кориандром и еще потому, что с куском докторской колбасы этот хлеб... как бы поточнее сказать, дает надежду, что еще не все потеряно: я переносусь в детство и не чувствую себя такой старой.

Примерно так поступило бы поголовное большинство жителей Заречья – завязали бы беседу. Отсутствие новостей

и размеренный образ жизни сказываются на нравах людей, жители отдаленных провинций легко вступают в контакт с незнакомцами, могут запросто подойти с вопросом или советом, пожаловаться или похвастаться.

Не далее как вчера на остановке какая-то тетка с саженцем спросила меня, принимаю ли я рыбий жир. Уж на что я человек привычный, но и то слегка опешила и покачала головой, отвергая подозрения.

– Наверное, рыбу едите? – не отставала тетка.

– Да, ем, – покаялась я.

Тут, к счастью, подошел автобус, и мне не пришлось пересказывать рецепт приготовления экзотической ледяной рыбы, которую предлагают населению торговые точки Заречья. Эта рыба без моркови, лука, перца, тмина, укропа и майонеза вообще на продукт не похожа.

Да! Так вот. В девяноста случаях из ста я поступила бы точно так же – рассказала бы о достоинствах черного хлеба.

Но что-то мелькнуло в глазах мужчины, похожее на интерес, и я отделалась рекомендацией:

– Спросите у кассирши.

Взяла буханку черного, батон белого и пошла к кассе. Мужчина потащился следом.

Хотя почему – потащился? У покупателя в кепке была походка вразвалочку, как у настоящего хозяина жизни.

Я заплатила за хлеб, вышла на высокое крыльцо и вдохнула хрустальный воздух.

На бело-голубое небо уже выплыл прозрачный серп, рядом с ним висела одна-единственная звезда. Есенинский мотив пробудил во мне грусть, и я, не глядя по сторонам, подалась обратно – к дому.

Неприятность ждала моего первого шага и встретила меня, едва я двинулась в ее сторону.

На перекресток вылетели «жигули» девятой модели, не дав себе труда объехать лужу, в которой плавали перламутровые пятна машинного масла, промчалась на полной скорости мимо, обдав меня с головы до ног грязью пополам с этим перламутром.

Пока я стояла, мокрая и растерянная, «девятка» скрылась с глаз.

В тот же миг за моей спиной произошло движение, хлопнула дверь черного большого авто, завизжали колодки, и машина сорвалась с места.

Я попятилась от гангстерского звука, достала из сумки носовой платок, пудреницу (в пудренице давно не было пудры, она служила зеркальцем) и попыталась стереть потеки с лица.

Вытираться наша зареченская землица, сдобренная отработанным маслом, не хотела, и мне пришлось несколько раз слюнявить платок, чтобы ликвидировать серые разводы на щеках и лбу. На пальто я старалась не смотреть – и так было ясно, что придется нести в чистку.

Едва я прошла перекресток, как мимо меня проехало,

ткнулось носом в обочину и встало, оставив зад, черное авто.

Я только успела подумать, что мне уже достаточно впечатлений от похода в магазин за хлебом, как дверь авто открылась и показался тот самый покупатель в кепке.

Хозяин черной иномарки выволок из машины парня из тех, кто специализируется на создании проблем себе и окружающим.

Парень производил впечатление классического уголовника, отлично вписавшегося в психогенетическую систему Ломброзо: сплюснутый нос, маленькие глазки, отечное, красное лицо, безвольный подбородок с редкой растительностью. «Ничего не понимаю... Неужели алкоголь может так обезобразить человека?» – успела подумать я, всматриваясь в нарушителя.

Но я ошибалась – алкоголь здесь был ни при чем. Это было лицо, пострадавшее от ожога, – это была маска.

Возраст субъекта не определялся, хотя, скорее всего, парень был моим ровесником.

Стоять самостоятельно молодой человек не мог – его водило из стороны в сторону.

Мужчина в кепке встряхнул парня и пророкотал голосом проповедника:

– Проси прощения.

От пьяного на всю улицу несло перегаром, меня передернуло не то от жалости, не то от брезгливости, профессио-

нальным движением я разогнала спиртные пары.

– Паш-шли-ффссевон, – со второй попытки просипело (именно просипело, потому что голоса у парня не было) это нечто, не поднимая тяжелой головы.

– В таком состоянии сесть за руль?!

Мне стало нехорошо, когда я представила, что буквально несколько минут назад разминулась со смертью.

– Да, представляете, как ему повезло, что он никого не сбил?

Подход к проблеме несколько озадачивал, но я не стала спорить:

– Всем повезло. Как же вы его извлекли из машины?

– Обыкновенно: подошел и вытащил. «Девятка» стояла уже, – увидев на моем лице изумление, объяснил мужчина.

– И что вы с ним собираетесь делать?

– Вызвал наряд, забрал ключи от машины и документы.

С этими словами мужчина разжал кулак и выпустил парня. Парень сложился и рухнул на пористый, рыхлый снег как подкошенный.

Сказать правду, мне несколько не было жаль этого типа.

– Арсений, – расплылся в улыбке мужчина и протянул мне руку.

Я слабо ответила на пожатие:

– Витя.

Арсений с недоверием разжал ладонь:

– Не понял?

– Витольда, – сжалилась я над своим заступником.

– А-а, – вскинул подбородок Арсений, но недоверие в глазах никуда не делось, – садитесь, Витольда, я вас доставлю. Не ходить же вам в таком виде по улицам.

– Спасибо, – с твердым намерением отказаться произнесла я, но отчего-то вдруг в последний момент передумала и подошла к машине.

– Прошу, – галантно подал Арсений руку, открыл переднюю дверь, и я изобразила на не совсем чистой физиономии благодарность, хотя и без посторонней помощи вполне способна была сесть в машину.

О себе могу сказать, что я не красавица, обычная, славянская внешность делает меня похожей на миллионы российских женщин. Светло-русые волосы, водянисто-голубые глаза, гладкая кожа, ровные зубы, приятная улыбка – что еще? Дашка Вахрушева утверждает, что у меня красивые ноги, но я, честно говоря, не знаю, можно ли ей верить.

Я устроилась на сиденье, положила пакет с хлебом на колени и стала разглядывать кожаный салон. Арсений сел на хозяйское место и с немым вопросом уставился на меня.

Я продолжала осматриваться, Арсений продолжал пялиться, машина продолжала стоять на месте.

– Что? – спохватилась я.

– Куда прикажете?

– А! Майская, тринадцать.

– Покажете, где это?

– Само собой!

– Поехали, – как Гагарин, махнул рукой Арсений, и машина сорвалась с места.

Меня вдавило в сиденье, я практически всю дорогу сидела зажмурившись, а водитель, глядя на дорогу, сочувствовал:

– Да, досталось вам сегодня. Пальто испорчено, нервы потрачены, а все пьянка. Никого еще до добра не доводила. Таких козлов надо прав лишать.

– А потише нельзя? – подала я голос.

Водитель обратился ко мне недоумевающий взгляд:

– Что – потише?

– Ехать потише!

– Ха, – развеселился Арсений, – быстрой езды боитесь?

– Боюсь, – призналась я.

– Сто километров всего, – с сожалением сбросил скорость гонщик.

Оказавшись возле дома, я обрадовалась, смягчилась и даже улыбнулась, прощаясь:

– Спасибо, Арсений, что подвезли, а то мне на работу уже пора.

– Всегда пожалуйста, – великодушно заверил Арсений. В глазах снова вспыхнул интерес. – В такое время на работу? Где вы трудитесь, если не секрет?

– На ферме.

– Кем?

– А, доярка я.

Не знаю, что меня дернуло соврать. Наверное, защитный рефлекс сработал: на безымянном пальце правой руки Арсения блестело кольцо, и при всех его достоинствах Королем (в обиходе Принцем) Арсений не был. Так или иначе, я сказала то, что сказала.

Либо Арсений был плохим психологом, либо я действительно за одиннадцать лет работы в коллективе опростилась, растеряла былую интеллигентность, но мой новый знакомый не заподозрил меня во лжи и уличать не стал.

– Ха! Так нам по пути! Давайте я отвезу вас на работу!

Я подняла глаза на небо, наливающееся фиолетом, и кивнула:

– Хорошо, только если нам по пути.

– Честное пионерское, – поклялся Арсений.

Я быстро умылась, переделалась, закрыла дом, калитку и вернулась в машину.

Всю дорогу на ферму Арсений удовлетворял проснувшееся любопытство:

– Вы местная?

– Да.

– А фамилия?

– Петухова.

– А учились где?

Вот тут я чуть не прокололась, но потом сообразила, что Арсений интересуется школой:

– В средней школе номер три.

– И все?

– Все.

– Даже техникум не окончили?

– Нет.

– А муж, дети?

– Вообще-то я многодетная мать, но меня за пьянку лишили материнских прав, – напропалую врала я, – а родственников у меня нет. Ни одного. Так что можно сказать, я сирота. Круглая.

Это было не совсем так. Точнее – совсем не так. Детей и мужа у меня действительно не было, зато в Заречье проживало двадцать шесть человек Петуховых (родня со стороны отца), но почему-то вся эта ветвь родственников ополчилась на маму, когда отец ушел к молодой.

Арсений потрясенно промямлил:

– Да, бывает.

– А вы где трудитесь? – переняла я эстафету у Арсения.

– Так в кочегарке.

– А в какой?

– А на масложиркомбинате.

– А разве там есть кочегарка?

– А то как же! Куда ж нам без кочегаров!

– Я думала, там отопление газовое.

– Конечно, вот я и работаю истопником.

– А как ваша машина называется?

– «Ауди» называется, – охотно сообщил истопник.

– Вам, наверное, хорошо платят, – включила я рациональное начало.

– Так это не моя машина, а директора. Я по ночам в кочегарке, а днем вожу шефа.

Я бросала на водителя косые взгляды и к концу поездки рассмотрела прямой, чуть заостренный нос, небольшие карие глаза, окруженные сетью лучистых, неглубоких морщин, упрямый подбородок и не менее упрямый рот. Как-то мне стало неуютно от благородства черт истопника, но впереди показались огни фермы, и я вздохнула, успокоенная.

Мы, наконец, прибыли на место, Арсений пожелал высоких надоев и уехал, а я побежала брать пробы и выдавать анализы, забыв думать об Арсении на второй минуте после прощания с ним. Истопник по определению не мог быть Королем.

Если по улице мимо ваших окон за весь день проходят три-четыре человека, значит, вы живете в Заречье. Или в Зареченске (Залучье, Заручье), или в любом другом местечке с населением пятнадцать тысяч. Во всяком случае, мимо моего окна по улице Майской в частном секторе оживленного движения не наблюдается.

Как вы уже поняли, меня зовут Витольда Петухова. Мне тридцать три года, я одинока и до недавних пор была убеждена, что это навсегда. В смысле, не возраст, а семейное положение.

Злые языки (а их здесь, поверьте, достаточно) утверждают, что я жду принца на белом коне.

Признаюсь, они не так уж не правы. Я действительно жду, только не Принца, а Короля – мне все-таки не восемнадцать.

Короли в нашем Заречье тоже явление крайне редкое, что печально, потому что последние пару лет я мечтаю родить ребеночка – сына или дочку. Вот, собственно, и все мои запросы.

Встречая беременных женщин, я мучаюсь одним вопросом: где этим счастливым дочерям Евы повезло встретиться с трезвым, здоровым, дееспособным мужчиной? По каким улицам они ходили? Или?.. О нет! Я не хочу думать, что эти женщины рискнули забеременеть от нетрезвых, нездоровых, недееспособных мужчин. Это было бы слишком печально.

Стоит ли объяснять, что я завидовала тлям и ящерицам, практикующим партеногенетическое зачатие, без оплодотворения (везет же некоторым!).

Дашка Вахрушева – моя подруга, она же первый критик и оппонент, – подкованная в вопросах полов, сказала, что напрасно я завидую ящерицам: прежде чем отложить яйцо, бедняжка подвергается нападению со стороны подруг и родственников. У жертвы от стресса запускается механизм «непорочного зачатия», так что размножается она скорее от страха, чем от любви.

Я пожала плечами:

– Какая разница! Главное – результат.

– Ты хочешь сказать, что не против насилия, если оно ведет к беременности?

– Нет, я против насилия. И я против насильников. И еще я против пьяниц, наркоманов, имбецилов, дебилов, лентяев, геев, ВИЧ-инфицированных, еще против нечистоплотных (в нравственном отношении и в плане гигиены) мужчин, против разных неуравновешенных личностей и моральных уродов.

– Ну, не знаю, подруга, для нашего города ты слишком привередлива. Все романы читаешь! Делай хоть что-нибудь! Поезжай отдохнуть, найди там себе кого-то – не знаю! Сидя дома, ты точно ничего не изменишь в своей жизни.

– Судьба и на печи найдет, – отмахивалась я.

Но Дашка, конечно, была права. В Заречье ловить нечего. Добившийся чего-то в жизни мужчина вряд ли будет стоять на автобусной остановке, тащиться в набитом битком транспорте с пенсионерами и такими недотепами, как я!

Может, действительно съездить отдохнуть куда-то? В санаторий? Или в дом отдыха? Ездят Короли в санатории? Где они отдыхают – сильные, умные, добившиеся карьерного роста мужчины? Нет, не Абрамович Андрей Бородин и или Виктор Бут . С этими все ясно – собственные яхты и тюремные решетки надежно защищают этих мужчин от таких охотниц за их спермой, как я. Где отдыхают другие достойные мужчины?

– Поезжай на море, – советовала Дашка.

– А то ты не знаешь, что летом надои вырастают. Кто меня отпустит? Даже если мне удастся вырвать отпуск и оказаться на море, то зачать ребенка на юге – это как полететь на дельтаплане или заняться фристайлом без инструктора.

– Это почему? – вытаращилась на меня Дашка.

Как все-таки семейная жизнь отупляет женщину!

– Потому что я плохо разбираюсь в людях, а там у меня и так будет времени в обрез, а надо еще успеть выбрать Короля и соблазнить. К тому же с первого раза беременеют только три процента женщин, значит, опыт надо будет повторить. И вообще, охотиться на побережье летом за мужчиной – это нерационально. На побережье острая конкуренция. Туда каждый приезжает за своей порцией удовольствия, мне будет не пробиться сквозь толпы веселых, красивых, молодых и одиноких девушек.

– Ну и сиди, – под напором моего рационализма Дашка быстро сдавала позиции, – тогда нечего скулить.

Дашке повезло. Она встретила со своим Егором в торговом колледже – бывшем кооперативном техникуме. Теперь Дашка – мать двоих детей и бухгалтер (прости господи, язык сломать можно, пока выговоришь) в «Кооповощплодторг-сервисе», а Егор – ее начальник. В его подчинении находятся пять магазинов и базы. Егор заканчивает заочно институт торговли, мотается по магазинам и базам, а Дашка сидит в бухгалтерии и ревнует ко всем продавщицам, заведующим складами, уборщицам, кассиршам, декану и одно-

курсникам Егора.

Дашкина ревность не поддается описанию – это состояние души. Подруга изводит всех круглыми сутками, распределяя время примерно так: днем – себя, вечером меня, ночью – мужа.

– Ты своими навязчивыми идеями подталкиваешь Егора к измене. Обвинения в том, чего он не совершал, – это прямое указание к действию, – не устаю повторять я, хотя знаю, что не являюсь авторитетом для Дашки – ведь у меня все еще нет семьи.

Егор злится и советует жене обратиться к психиатру. По моему мнению, психиатрия Дашке не поможет, ей нужен экзорцист.

Мне жаль Дашку, но я ничего не могу сделать для подруги – я не экзорцист, я – химик-технолог.

...Одиннадцать лет назад я окончила Московский институт пищевой промышленности и вернулась к маме, в Заречье.

«Химичу» я в маленькой лаборатории на коровнике нашего фермерского хозяйства.

Да, я не наблюдаю реакцию холодного ядерного синтеза, не приторговываю симпатическими чернилами и даже не приправляю ядом перчатки, перстни, шкатулки и книги.

Моя задача куда прозаичней: после каждой дойки сделать анализ молока на жирность, кислотность и бактерицидную

обсемененность. Если я этого не сделаю, надой не примут на пищекомбинате, продукцию придется вылить на землю (что неоднократно случалось), доярки останутся без зарплаты, а доярки – это, скажу я вам, сила. Когда эта сила приходит в неудовольствие, она способна на многое.

Так вот, одиннадцать лет я встаю в четыре тридцать утра, трясусь с коллективом в стареньком ПАЗе по девственным, не тронутым асфальтоукладочным катком зареченским дорогам, чтобы отобрать пробы молока.

Открываю лабораторию, надеваю белый халат, включаю приборы (термостат, вытяжной шкаф, центрифугу) и жду, когда в коровнике молоко наполнит емкости. Иду в резиновых сапогах (иногда за меня это делает водитель Василий Митрофанович, веселый, сухонький дедок), снимаю крышку с бака, опускаю черпак на длинной ручке, зачерпываю молоко – первая проба отобрана. Емкостей несколько, и я повторяю процедуру.

Возвращаюсь в лабораторию, через два часа выдаю результат, сравниваю с нормой и пишу справку (или акт). После чего со спокойной совестью еду домой до вечерней дойки – до семнадцати ноль-ноль.

В моей лаборатории царят уют, свет, тепло и стерильная, хирургическая чистота. На полках сверкают мерные стаканы, колбы, пипетки, чашки Петри и бюретки. Блестят хромированными поверхностями приборы. Все подчинено царице наук Химии, мне и расписанию доек. Так летит мое время,

тикают биологические часы.

К этому обстоятельству все годы я относилась философски, без паники. Я и сейчас бы не паниковала, если бы жива была мама.

Мама никогда ни на что не жаловалась и угасла в несколько месяцев, я даже ничего не успела понять. А когда пришла в себя, оказалось, что я одна на всем белом свете, не считая бесполезных Петуховых. Вот тогда я и захотела маленького – сына или дочку.

...Человек я спокойный, уравновешенный, психика у меня стабильная, я не подвержена сильным эмоциям, как, например, Дашка. Дашка все время впадает в крайности, и когда оскорбляет, и когда извиняется. Подруга может орать как полоумная, потом разобраться, что была не права, и начать так же громко каяться и винить во всем себя.

Все потому, что в Дашке нет рационального начала, ни зернышка. Глупая Дашка никогда не могла понять главного, берегла семью, как цепной пес, – голосом, а не любовью.

– Что, кобель, явился? – сверлила она взглядом супруга, высматривала помаду на воротнике или длинный волос на пиджаке (Дашка всегда коротко стриглась), принюхивалась и строила предположения. – Где шлялся?

– Даш, я же был на встрече (конференции, сессии), – бубнил Егор.

– Хотел заночевать у нее? – исходила ядом Дашка.

Не знаю, что она хотела от мужа-начальника – чтобы дома сидел?

Зато во мне рациональных зерен было... Это не то, что вы подумали: чужую беду рукой разведу, а к своей ума не приложу. Ничего подобного.

Просто я считала, что все, чем мы недовольны, – пустяк, небольшое затруднение. Все, кроме смерти, можно исправить. Я всегда это чувствовала, а после мамы осознала как духовную истину.

Нет, нет, я – совсем другое дело. Здравый смысл – вот мое кредо.

Я контролировала себя и свою жизнь, заполняла эмоциональные дыры чтением женских романов зимой и выращиванием цветов летом.

Теряла голову я только в библиотеке при выборе книг. В последний раз мне хотелось взять «Бурную ночь», и «Жаркий поцелуй», и «Скрытую ярость». Потом, когда я уже взяла все три книжки, мне захотелось прихватить «Огненное прикосновение» и «Невинную грешницу».

Нет, вру! Было еще одно место, где я теряла контроль над собой, – весенние садовые ярмарки. Там мне хотелось скушать семена всех диких трав, кустарников и цветов, особенно луковичных.

Во всем остальном здравый смысл всегда побеждал эмоции.

...Когда Дашка поняла, что я затеяла, она долго со мной не разговаривала – дня два. Через два дня Вахрушева позвонила и разразилась потоком брани:

– Я всегда знала, что ты с приветом, но ты превзошла саму себя. Это ж надо додуматься до такого! Как только в голову могло прийти? Ты посмотри на себя! Ты собираешься греховничать, прелюбодействовать, ты собираешься разбить семью... короче, тьфу, даже не знаю, что сказать! В общем, так: если уведешь чужого мужа – ты мне больше не подруга! – закончила Дашка.

Мне стало обидно, я вспомнила, как Вахрушева подгоняла меня с беременностью.

– Витя, – каркала, как ворона, подруга, – торопись, время уходит.

– В таком деле спешить нельзя, – упрямилась я.

И вот теперь, когда я готова изменить свою жизнь, Дашка отказывается меня понимать и подозревает худшее. Зачем мне чужой муж? Но я не успела возразить, Дашка перешла к контраргументам.

– Ты знаешь, в чем твоя беда? – поинтересовалась она.

Конечно, я знала, в чем моя беда – в отсутствии выбора, но я хотела, чтобы Дашка высказалась.

– Нет, не знаю.

– Твоя беда в том, что ты слишком серьезная, не умеешь играть с мужчинами. Вот скажи, куда делся этот, из кафе «Теремок»? Славик, кажется?

– Алкаш этот? Я назначила ему свидание в церкви, во вторник, в шестнадцать ноль-ноль.

– Что за блажь?

– Никакая не блажь. По вторникам служитя акафист Богородице «Неупиваемая чаша». Вот я и решила: придет – рассмотрю его кандидатуру. Не придет – не стоит с ним связываться. Он не пришел...

– Понятно, – протянула Дашка, – а начальник жилконторы?

– Борис Савельевич, что ли? Или нет, Савелий Борисович.

– Да. Он-то почему пропал?

Я уже не очень помнила, что спугнуло Савелия Борисовича или Бориса Савельевича. Кажется, я пригласила его на утренник к Вахрушеву-младшему.

– Я ему сказала, что отравлю цианидом, если он мне изменит.

– А этот, из ансамбля «Ромалы», куда девался?

– Кочует с табором, наверное.

– А все почему?

– Да, почему?

– Потому что в тебе нет искры. Понимаешь, о чем я? Учись и делай как я. – Объективность никогда не входила в число Дашкиных достоинств.

– Мне нужен охотник, а не жертва. Мне нужен Король! – Пафос моих речей смешил меня саму. – У тебя нет опыта соблазнения Короля. Твой Вахрушев – жертва, а не охотник.

– Вахрушев не прекращает охоту ни днем ни ночью, так что ты не угадала. Тебе надо читать литературу. В твоём возрасте пора знать, что возбуждают мужчину запах, походка, движения, тембр голоса и женские флюиды. А ты похожа на чуму! В этом твоём тулупе, в валенках, в павловопосадском платке ты привлечешь только маньяка!

– То-то я смотрю, ты тренируешь голосовые связки целыми днями и выглядишь как Линда Евангелиста, – огрызнулась я, но Дашке удалось пошатнуть мою уверенность.

Запах... Чего греха таить, от меня подванивало коровником.

Походка. Походка у меня сельской жительницы. Я не умею струиться, не умею парить, я загребаю ногами – сказывается привычка круглый год ходить в валенках или сапогах на улице и на работе.

Голос. Ну хоть с этим повезло.

Я была счастливой обладательницей контральто, годящегося для исполнения арии Графини из «Пиковой дамы».

Но мой великолепный голос пропадал всуе. Когда я появлялась, шаркая сапогами, окутанная ароматами коровника, слушать меня уже было некому.

Поэтому когда я почувствовала первые симптомы такой несвойственной мне паники, я поняла: пора что-то менять в своей жизни.

И пошла в библиотеку за психологической литературой.

Библиотекарша Элла Григорьевна – моя добрая знакомая, выслушав сбивчивые пожелания, показала мне на полку, где, сдвинув корешки, как солдаты армии-завоевательницы, плечом к плечу стояли книги: «Как найти мужчину своей мечты», «Как покорить мужчину», «Искусство соблазнения», «Война полов» и «Как мужчину завоевать, удержать и расстаться с ним».

Я прониклась глубокой благодарностью к авторам, потому что, прочитав их труды, поняла, чего хочу и как надо действовать.

Итак, мне предстояло:

стать Дамой, чтобы привлечь как можно большее число мужчин;

провести тщательную селекцию кандидатов;

выбрать Короля;

соблазнить Короля;

зачать ребенка;

расстаться с Королем.

Пусть простят меня лучшие из мужчин за такое безобразное, в высшей степени безнравственное и потребительское отношение, но у меня были три причины, по которым я выбрала столь циничную стратегию.

Во-первых, возраст. Я утратила первую молодость, а конкурирующие поколения женских особей разнообразно цвели и щеголяли готовностью к оплодотворению.

Во-вторых, образование.

Очень осложняет жизнь. Начинаешь критически при-
сматриваться к окружению и скоро выясняешь, что нет ни
одного интеллигентного носителя здоровых генов, зато в из-
бытке имеются вечно пьяные скотники, трактористы и тех-
ники.

И последнее: мне хотелось застраховать себя от возмож-
ных драм и трагедий. Я помнила: «Если у вас нету дома –
пожары ему не страшны, и жена не уйдет к другому, если у
вас...», ну и далее по тексту.

Вы, конечно, спросите, зачем такие сложности? Можно
обратиться в банк спермы, зачать ребенка в клинике под
присмотром специалистов. Отвечаю: не потому, что я не ищу
легких путей. Просто мне нужен умный, внешне привлека-
тельный, здоровый и сильный донор, а не жалкий хлюпик,
впадающий в столбняк от бытовых и социальных трудностей.
А где гарантии, что банк не подсунет бракованный товар?
Гарантий нет.

...Выстроив приоритеты, я начала с походки.

Прочертила мелом прямую линию для дефиле на дорожке
в саду и принялась вышагивать.

На дворе стоял март, близкий к апрелю, черная земля про-
бивалась к солнцу, обнажая силу и готовность рожать.

Тонкая паутина льда, которой затягивались лужи ночью,
к обеду таяла, птичьи стаи атаковали старую грушу у входа
во двор, под забором орали кошки, привлекая самцов.

Весенняя капель, прозрачный воздух, первые лужи и первые птицы – вечные спутники любовной лихорадки, ввергли меня в уныние. Эта атрибутика не несла в моем случае никакой смысловой нагрузки.

Зачем мне прелести весны, если у меня такая узкоспецифическая задача – найти донора спермы?

Конечно, я не отказалась бы от вечной любви, как в женских любовных романах. Но за прошедшую зиму демографическая ситуация в городке не изменилась. Как существовал дефицит непьющих, сильных, ответственных мужчин, так и остался, если не обострился. И весна с этой своей откровенностью, близкой к распущенности, с признаками настоящей жизни, немного травмировала меня.

– Пятки вместе, – повторяла я, наступая на прямую линию, – носки врозь.

С книжкой на голове, пропустив под локтями за спиной длинную линейку, какими пользуются закройщики, я напоминала себе героиню фильма «Служебный роман» – Людмилу Прокофьевну Калугину. Чувствовала я себя при этом отвратительно, но мысль, что Дашкино пророчество сбылось, и я на самом деле привлекла маньяка, заставляла меня снова и снова дефилировать по линии.

Стоило представить, как маньяк идет по улице под моими окнами, собственноручно опускает письмо в мой почтовый ящик, и у меня открывалось второе дыхание. «Пятки вместе, носки врозь...» – посмотрим, что скажет подруга через

месяц-другой.

Тут я почувствовала какое-то беспокойство, подняла глаза и – о, ужас! – в окне соседнего дома увидела обнаженный мужской торс!

К сожалению, мужчина исчез прежде, чем я успела его разглядеть.

...Все-таки вставать в четыре утра – не полезно для здоровья. Полезно вставать, когда в окна заглядывает солнышко.

Мечтая о лете, я сбросила Триша (это мой кот-перс кремового окраса) с постели, совершила ежедневные утренние процедуры и вышла на веранду.

Окна соседнего дома были освещены. Интересно, интересно...

Соседний дом с осени пустовал – старенькую бабушку Надю похоронили незадолго до первого снега. По какой-то странной закономерности, бабушка Надя была второй старушкой, окончившей земную жизнь в этом доме. Последний приют всех старушек Заречья – так и хотелось поместить на фасаде вывеску.

Зимой нас с домом объединял страх одиночества: он скрипел и хлопал незапертой дверью на чердак, словно призывал обратить на себя внимание.

Любопытно, кто мои новые соседи?

Наполненное жизнью, мартовское, близкое к апрелю утро навевало тоску по материнству, я вспомнила про анонима,

про Даму, и настроение упало.

В отвратительном состоянии духа я погрузилась в ПАЗ, в компании голосистых «операторов машинного доения» прибыла на ферму, прошла мимо доски объявлений и прочитала сообщение о собрании коллектива.

Собрание так собрание: пусть хоть что-то нарушает однообразное течение нашей жизни.

...Собрание проходило в красном уголке.

Уголок был в свое время оформлен «истинными ленинцами» и отражал вкусы эпохи развитого социализма: длинный, массивный стол со стульями на возвышении у противоположной от входа стены, несколько рядов клубных кресел, тяжелые плюшевые портьеры на окнах, гипсовые бюсты К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ульянова-Ленина в окружении фикусов и Доска почета.

Красный уголок оберегали души вождей – иначе как объяснить, что, собираясь здесь, коллектив теряет всякую связь с реальностью, начинает сравнивать зарплаты, которые являются коммерческой тайной, между прочим, и требует делить все «поровну».

Ряды кресел постепенно заполнились доярками, скотниками и техниками. Как обычно, между ними шла перебранка и выяснение должностных обязанностей.

– Колька, чтоб тебя, гада, разорвало, ты почему не прочистил насос?

Закаленный в боях Колька лениво отбrehивался:

– Все я прочистил, технику менять пора, и не ори, я тебе не Гришка твой, юбку задеру, надаю по заднице, чтоб знала. Совсем вы, бабы, страх потеряли.

– Ты поговори еще, я вот Палычу на тебя докладную напишу!

– А ты писать-то умеешь, Клавдя?

– Напишу – тогда увидишь.

– Чего ты взъелась на ровном месте? – сменил тактику Колька. – Давно не топтал тебя твой Гришка? Или у тебя критические дни?

Диалог был пересыпан ненормативной лексикой, и я ждала, что Клавдя сейчас загнет что-нибудь из репертуара скотника Тимофея – тот вообще разговаривал только по-матерному. Однако ответ Клавди был скомкан появлением начальства.

Наш управляющий – Геннадий Павлович Рысаков, в народе Гена Рысак, был хорошим мужиком, трудягой и хозяйственником, но дела на ферме шли все хуже и хуже.

Мне иногда казалось, что весь коллектив фермы – сборище неудачников, погрязших в навозе и мате. Только благодаря здравому смыслу мне удавалось сохранять невозмутимость.

Рысак вел гостя – крепкого лысого мужчину... Что-то знакомое мелькнуло в небольших карих глазах, прямом, красивой формы носе и упрямо сжатых губах – это был вчерашний

истопник! Я задушила в себе желание сползти под кресло.

А этому-то что здесь понадобилось?

У нас, конечно, была котельная с банькой, где парились труженики фермы, но они справлялись без истопника, своими силами.

Начальство с гостем направилось к столу.

Гена разложил какие-то бумаги, раскрыл свой потрепанный поминальник и оглядел присутствующих скорбным взглядом. Наверное, так смотрят приемные родители на усыновленное чадо, оказавшееся вместилищем всех пороков.

Истопник Арсений устроился рядом с Геннадием Павловичем и с интересом принялся разглядывать народ.

Я подглядывала за Арсением из-за спин доярок и напрягала слух.

В карих глазах истопника плескалось любопытство, азарт и черт знает что еще, не поддающееся прочтению. Разглядывать в красном уголке, кроме бюстов вождей, особенно было нечего, и истопник скоро погрузился в свои истопнические думы.

Гена Рысак начал собрание с перечисления причин, по которым наше хозяйство работает в убыток: дорогая электроэнергия, корма для животных, низкие надои и низкие закупочные цены на сырье (то есть молоко) и, конечно, высокие зарплаты (вот уж никогда бы не подумала) и кредит. Зал неодобрительно загудел:

– Говори по существу!

– Палыч, что мы, не знаем, что ли?

– По существу? Хорошо! – как в омут головой бросился, с отчаянной решимостью изрек Гена. – К нам приехал товарищ из областного центра, он предлагает коллективу решить свою судьбу. Мы можем продать пай, объединиться с другими фермерскими хозяйствами и стать наемными работниками.

В зале наступила устрашающая тишина. Слышно было, как радостно забились сердца честных тружеников в ожидании скандала. «Эх, Гена, Гена, – вздохнула я, – кто ж так руководит коллективом? Надо же подготовить людей, зачем так – в лоб?»

Видимо, те же мысли промелькнули в голове истопника Арсения, потому что в тишине раздался его баритон:

– Ой, сейчас меня бить будут!

– Легко!

– Не ты нас породил, не тебе убивать!

– Катись обратно в город!

Арсений с невозмутимым видом выслушал все выкрики, встал со своего места и поднял руку, подражая вождю мирового пролетариата.

Грозовые раскаты постепенно стихли.

Арсений обладал не только завораживающим голосом, но и даром проповедника. Говорил истопник замечательно, слушала бы и слушала. Из его складной речи выходило, что, избавившись от земельных паев, мы тут же приобретем но-

вую технику, сможем расплатиться с кредитом и вообще соорудить из хозяйства компактный рай. Арсений оказался лихим истопником, видимо, в кочегарке у самого черта подрабатывал.

Гена Рысак наконец заглянул в свой поминальник и с опозданием представил гостя:

– Арсений Иванович Жуков – директор консалтинговой фирмы «Паритет».

– Слушай, консультант, а зачем она нужна, техника эта, если землю мы продадим? – раздался голос с рядов.

– Ха! Я сдам вам землю в аренду. За копейки, – заверил Арсений Жуков.

– Давай мы тебе сдадим землю в аренду! – предложил тот же голос.

Я оглянулась. Голос принадлежал ветеринару – молодому специалисту Мишке Загорулько.

– Сейчас никто ничего за копейки не делает. Говори, что задумал? – Коллектив не сдавался, но и Арсений был тертым калачом.

– Давайте так, – предложил консультант, – сейчас вы ничего не говорите, я даю вам день на размышление, через день, послезавтра то есть, те, кто согласны спасти хозяйство такой ценой, собираются здесь после вечерней дойки. Владелец пая получит тридцать тысяч рублей авансом и еще столько же после сделки. – Арсений выдержал эффектную паузу. – Имейте в виду, два раза я предлагать не стану. К вашей-

му сведению: «Рассвет» согласился на мое предложение, и «Утро страны» тоже согласилось.

Это все были наши соседи – бывшие колхозы, ныне фермерские хозяйства покрепче нашего, и Арсений, ведая или не ведая, задел всех за живое.

Народ стал расходиться, обсуждая услышанное. Я пристроилась за коллективом, обдумывая предложение консультанта по слиянию и объединению.

Жуков оказался неплохим психологом: люди растеряют воинственность, дадут себе волю помечтать о лучшей жизни и через день будут тепленькими. Именно через день, а не через два и не через неделю – передержать идею нельзя. Молодец истопник, истопник в переносном смысле – кочегарит народные массы.

Я не хотела стать жертвой психоманипулятора, и настроилась ни при каких обстоятельствах не расставаться с паями Петуховых – моим и маминым, доставшимся мне по наследству. Кто его знает, какая впереди жизнь? Земля прокормит, рассудила я.

Через день после собрания наши фермеры решились и подписали соглашение с временной администрацией – подход Жукова полностью себя оправдал.

Откуда-то появился нотариус. Фермеры – участники сделки – согласились выдать Жукову доверенности на сбор документов от их лица.

Все, кроме меня.

Мне уже почти удалось улизнуть из красного уголка, когда меня настиг голос номенклатурного истопника:

– Витольда Юрьевна!

Со скупающей миной я обернулась. Арсений Жуков шел ко мне, раскинув руки и широко улыбаясь, точно мы были союзниками и встретились на Эльбе.

– Как ваши коровы?

– Так же, как ваши кочегарки.

– Ха! Значит, отлично! – развеселился Жуков и по-своему приобнял меня за плечи: – У меня к тебе предложение, Витольда Юрьевна.

От консультанта исходила энергетика благополучия, он светился, как фейерверк. Жуков перешел на интимный шепот и прильнул к моему уху, отчего против воли я ощутила слабость в ногах.

– Витя, ты мне нужна. Могу я тебя умыкнуть?

Хоть убейте, у меня не было ни одной причины отказать руководителю консалтинговой компании. Я старательно напрягала мозги, но придумать ничего не могла.

Арсений Жуков тем временем вывел меня на улицу и подталкивал к машине – тому самому черному авто, которое якобы было собственностью его шефа.

– Подозреваю, машину ты угнал? – поддела я Арсения.

– Что, мы с ней не посмотримся? – кокетничал Жуков.

– С истопником никакая машина не смотрится, да и жен-

щина тоже.

– Кроме доярки, – беззлобно парировал Жуков. – Витя, садись в машину, мы с тобой и так привлекаем внимание любопытных, решат, что я тебя клею.

– А разве нет?

– Нет. У меня совсем другое дело к тебе.

Я уселась на место рядом с водителем, и мы рванули в сторону областного центра.

День, как и обещал, с утра оказался прекрасным, солнце обливало землю, заглядывало во все потаенные уголки.

Я покосилась на улыбающегося чему-то Арсения.

Оптимизм Жукова вызывал симпатию. И не только оптимизм.

На самом деле кольцо на безымянном пальце правой руки было сигналом: этого самца уже выбрали. Если Арсения уже выбрали, значит, он того стоил. К тому же если мужчина руководит фирмой, то он должен обладать набором таких качеств, как честолюбие, смелость, сила, находчивость, уверенность в себе, ум, способность к адаптации и выживанию. В нашу первую встречу Арсений вел себя как рыцарь. На собрании не уступил лидерство, не растерялся, наоборот – ловко переломил ситуацию. А у нас аудитория не самая лояльная к начальству, какое бы оно ни было.

– Арсений Иванович, куда мы едем? – проявила я интерес.

– Во-первых, для тебя Арсений, без Иванoviча, – продолжал охмурять меня Жуков, – а во-вторых, приедем – уви-

дишь.

Интриговал Жуков профессионально.

В голове у меня все смешалось, замелькали обрывки цитат из пособий по обольщению, пока неоновой рекламой не вспыхнул афоризм: за неимением гербовой бумаги пишут на простой. Иными словами, если нет Короля, то сгодится и Валет – эту мысль я тоже почерпнула из какого-то пособия.

Конечно, я была в начале пути, и не собиралась торопиться. Один донор – это несерьезно. Хотя бы три-четыре...

Арсений Жуков сделал предложение, от которого я не могла отказаться, – перейти на работу в объединенную химическую лабораторию, чтобы молоко на анализ мне привозили все фермерские хозяйства области.

Эту идею Жуков развил в ресторанчике грузинской кухни «Багратион», куда он привез меня по случаю нашего серьезного делового разговора.

Понятно, что к посещению ресторана я готова не была: после работы не приняла душ и не переоделась и не могла избавиться от запаха коровника.

Но решила плюнуть на все, вести себя естественно (может, это последний писк моды, такая туалетная вода «а-ля натурель»), наслаждаться хорошей кухней и довериться рациональному началу.

– А штат? – сразу заинтересовалась я.

Пока Жуков делал заказ, я продолжила наблюдение: глаза

Арсения выражали готовность к спариванию, когда он разговаривал с официанткой. Девушка обладала, с моей точки зрения, единственным неоспоримым достоинством – молодостью.

Жуков заказал бутылку сухого вина (испанского, потому что в ресторане грузинской кухни не было грузинского вина), хачапури, лобио и жаренную на вертеле форель.

Девушка мерзко хихикала, бросая на меня вороватые взгляды, а я призывала на помощь здравый смысл.

Арсений наконец вспомнил, что не один за столом, обратился на меня внимание и наткнулся на презрительный взгляд.

– На чем мы остановились? – кашлянув в кулак, попытался вернуться к разговору растлитель.

– О штате, – процедила я сквозь зубы.

– Да! Тебе решать. Все зависит от нагрузки, так ведь?

Я кивнула, попутно представляя, какие преимущества дает мне новая работа.

Преимущества были существенными.

Наконец-то я смогу ездить на работу к девяти часам, как белый человек, наконец-то у меня будут выходные и праздничные дни. К тому же зарплата. Похоже, закон сохранения энергии все-таки работает...

– Когда вы планируете открывать лабораторию?

– Вчера.

– В смысле?

– В смысле, она уже должна работать, но ее еще нет. Тебе,

Витя, предстоит ее организовать.

– Во-от как? – недоверчиво протянула я.

– Да. Как тебе эта идея?

Организовать с нуля лабораторию – это была моя тайная мечта! Любой инженер согласится со мной: организация производства – это то, чему каждого учат в институте, но не каждому выпадает счастливый случай проделать в жизни.

Предложение было фантастическим.

– Согласна. Когда начнем?

– Завтра и начнем. Кстати, ты свои пай думаешь продавать?

Тут нам принесли заказ, и я воспользовалась появлением официантки, чтобы не отвечать на вопрос. Возвращаться к серьезной теме во время обеда Арсений не стал, а после обеда его повело совсем в другую сторону:

– Витя, смотрю на тебя и не понимаю: такая женщина, и не замужем!

– Жуков! – окоротила я консультанта.

Мне и Дарьи за глаза хватало!

– Прости, прости, – забормотал Арсений, но любопытство пересилило воспитание. – Нет, ну почему? Нет, нет, просто странно: как случилось, что ты не создала семью? Большая любовь?

– Люди говорят, у меня высокие запросы. Мне Король нужен, видишь ли.

– Король? Ты что, монархистка?

– В некотором смысле, – кивнула я, – в деле продолжения рода.

– И как же ты себе это представляешь?

И тут я, чтоб мне пропасть (не иначе как испанское вино в голову ударило), зачем-то выложила Арсению свой план. И не говорите, сама в шоке! Куда девался мой хваленый прагматизм?

Могу поклясться, Арсений смутился.

Мы сидели в полном молчании и постепенно приходили в себя.

– Да-а, – вынужден был признать Арсений, – ты редкая, необыкновенная женщина, Витя! За тебя! – Зрачки консультанта расширились от возбуждения.

Я обозвала себя дурой и попыталась отыграть:

– Неужели поверил?

– Ха! – с огромным облегчением выдохнул Арсений. – Ну у тебя и шутки! Вот это да! А я уже не знал, как себя вести с тобой!

Все встало на свои места, мир вернулся в привычные границы: я – одинокая не первой молодости девушка, Арсений Иванович – темная лошадка, засланный казачок.

Мы продолжили обед, по всем признакам деловой.

Все, что говорил Арсений, заставляло меня трепетать. Сначала Жуков рассказал о целях объединения хозяйств. Потом остановился на лаборатории и ее функциях.

В деловой разговор Жуков необычайно ловко вплетал

биографические данные:

– Витя, а ты знаешь, я после школы работал лаборантом на кафедре химико-биологического факультета пединститута и даже хотел стать учителем химии. Не поступил, в армию забрали. Так что я имею представление о химлаборатории! Это я настоял на том, чтобы ты сама съездила в командировку, отобрала оборудование, посуду – в общем, все, что сочтешь нужным.

Так уж вышло: я с неподдельным вниманием следила за ходом мыслей Жукова, поддакивала, кивала, вздыхала, усмехалась – словом, демонстрировала живую заинтересованность, упустив из виду, что мое поведение как раз и является кратчайшим путем к сердцу мужчины (вопреки мифу о желудке).

Жуков удивлял эрудицией, острил и (ну, надо же!) не замечал официантку, а в конце продемонстрировал глубокие академические знания получения водки из C_2H_5OH и H_2O (спирта и воды):

– Во-первых, соотношение спирта к воде должно быть 2:3 – две части спирта на три части воды – для мужчин и 1:2 – для женщин, – с видом знатока излагал Арсений, – во-вторых, приливают воду к спирту, а не наоборот! В-третьих, чтобы спирт и вода хорошо смешались, жидкость нужно добросовестно взболтать. В-четвертых, смесь при разведении нагревается, поэтому ее нужно охладить. Для этого емкость можно поместить в холодильник, на снег или на лед. А мож-

но просто бросить в спирт кусочки льда вместо воды. Ну, как я тебе?

– По-тря-са-а-юще! – проворковала я с интонацией Жены Вождя из фильма «Человек с бульвара Капуцинов» и чуть не захлопала в ладоши. – Откуда дровишки?

– После факультетской кафедры я служил на Севере, – объяснил, ничего не объяснив, Жуков.

Мы засиделись, и Арсений вынужден был после затянувшегося обеда везти меня обратно на ферму.

А вечером, когда я сидела на диване с котом Тришем, без остатка погруженная в муки Франчески, решившейся бросить родной город и уехать от Рэя, подальше от безответной любви, в калитку позвонили.

С досадой отложив книжку, я вышла на крыльцо и обнаружила за забором улыбающегося Арсения.

– Какими судьбами? – удивилась я, впуская псевдоистопника.

– Да вот, был у твоего соседа, того, помнишь, который тебя грязью обрызгал.

– Соседа? – еще больше удивилась я. – Ты хочешь сказать, что тот мерзкий тип, который облил меня грязью, теперь живет в соседнем доме?

– Ну да, – поражаясь моей бестолковости, объяснил Арсений, – я же забрал у него документы. Посмотрел адрес – Майская, одиннадцать. Оказавшись поблизости, не смог не навестить тебя. Понимаешь?

– Мог, – не согласилась я, – но раз уж ты здесь, проходи.

Чай будешь?

Арсений протянул увесистый пакет:

– У меня есть вино.

– У меня нет закуски, я не ждала гостей.

– Не напрягайся, я не голодный, – порадовал Жуков, – это для создания доверительной атмосферы.

Арсений, довольный собой, подмигнул мне.

В пакете, кроме вина, оказалась коробка дорогих конфет и фрукты. Я отдала должное – Арсений продумал детали создания доверительной атмосферы. Это настораживало.

– У тебя уютно, – пройдясь по дому, сообщил Жуков, – правда, мужских рук не хватает.

Гость остановился возле двери, ведущей в спальню. Ручка двери висела на одном гвозде. Меня это не напрягало, а Арсений зачем-то взял и оторвал ручку совсем.

– Вот, так-то лучше, – протягивая мне фурнитуру советского образца, заявил гость.

Я насупилась и проворчала:

– Мешала она тебе, что ли? Висела и висела себе. – Не люблю, когда кто-то пытается навязать мне свои вкусы.

Жуков обнял меня за талию и мягко увлек в направлении кухни:

– Все, все, больше ничего ломать не буду. Если только ледяную стену между нами. Но ее не ломать нужно, а отогревать сердечным теплом.

Я послала Жукову убийственный взгляд, после которого «не каждая птица долетит до середины...», но он остался неуязвим.

Увидев мое приспособление для открывания бутылок, Арсений покачал головой, но справился, вино открыл, даже пробка не раскрошилась (у нас с Дашкой любая попытка откупорить вино оканчивалась тем, что мы просовывали плотницким инструментом остатки раскрошившейся пробки в бутылку, а потом отплевывались от крошек, плавающих в вине).

Я подала два высоких стакана из чешского стекла, пока гость наполнял их белым десертным вином, вымыла фрукты и открыла конфеты.

Мы расположились за столом друг напротив друга, Жуков поднял фужер и произнес тост:

– За самую очаровательную и непредсказуемую женщину Заречья.

Тост был так себе, я поддержала его из вежливости.

Далее Жуков очистил мандарин, разломал на дольки и протянул мне половину.

– А ты руки-то мыл? – заподозрив повышенную бактериологическую обсемененность, спросила я.

– Хочешь, при тебе вымою, чтоб ты видела?

Он подошел к мойке, выдавил средство для мытья посуды, вымыл руки, вернулся к столу и очистил следующий мандарин. Опять протянул мне половину.

Я с подозрением воззрилась на консультанта:

– Не переигрывай.

– Витя, откуда столько скепсиса?

– Если бы ты видел себя со стороны, вопросов бы не задавал.

– Неужели я неубедителен в роли влюбленного мужчины?

– Нет, неубедителен.

Масленные глазки Арсения заскользили по мне.

– А что я здесь делаю, по-твоему?

– Я догадываюсь, но хочу, чтобы ты сам сказал мне об этом.

И тут как-то случилось, что Жуков коршуном набросился на меня.

Оказавшись прижатой к стене, я почувствовала на губах его стремительный, агрессивный поцелуй.

Дальше все завертелось и едва не вышло из-под контроля. Губы мои были заняты, руки тоже, и тело, собственно, мне уже не подчинялось. Оно подчинялось этому захватчику Жукову!

Я собрала волю в кулак и оттолкнула Арсения:

– Ну ты и жук! Ты здесь совсем не ради моих прекрасных глаз, а ради земельных паев!

– Глупости! Но ты решай, пока цена подходящая, а то прощелкаешь – будешь жалеть, – усталым голосом посоветовал Арсений, не сводя с меня хищного взгляда.

– Я учту, – стараясь не смотреть на завоевателя, буркнула

я.

Жуков отбыл, а я вернулась к Франческе, которая добилась потрясающих успехов в модельном бизнесе, продолжая хранить верность Рэю.

...Весна перла из всех щелей, мне повсюду мерещились младенцы (не кровавые, нет, наоборот – счастливые, кружевные) и как никогда хотелось покинуть убежище, где было тихо и пусто и не было ни одного младенца (да что там – младенца, даже эмбриона, и то не было).

Цейтнот и природная лень пробудили во мне мыслителя, и я придумала блицметод достижения цели: Дамой можно не быть, Даму можно сыграть.

То есть притворяться долго – это лицедейство, требующее профессионализма, а я не обладала и малой толикой актерского таланта, как Дашка – здравым смыслом. Но притвориться ненадолго – это под силу каждой.

Я надеялась, что долго прикидываться Дамой не придется – получу свое, и все, маски прочь.

И тут я снова немного запуталась.

Дама – она какая? Сильная, надменная, холодная пожирательница сердец? Тогда как быть с авторами, утверждающими, что сильного мужчину привлекают слабые женщины? Значит, придется притворяться:

- а) слабой, милой дурочкой,
- б) Дамой.

Как вам образ Дамы-дурочки?

Ясно, что образ нуждался в доработке, и я обложила журналами.

Как теоретiku, мне было известно, что в арсенале соблазнительницы обязательно присутствует короткая юбка (годятся кожаные шорты), шпильки, красная помада и декольте критических размеров. Вся моя сущность восставала против такого экстрима.

Листая журналы, я искала ответ на вопрос: как можно соблазнить мужчину, не прибегая к короткой юбке, карминной помаде, декольте критических размеров и вихлянию бедрами? Может быть, представители сильного пола реагируют еще на что-то, чему я могу научиться? Или интеллект не играет никакой роли в деле соблазнения нужного самца?

Книжки, написанные авторами-женщинами, в один голос уверяли: имеет.

Умная женщина с рациональным складом ума может получить желаемое, не прибегая к дешевым, затасканным приемам.

Нужно только смотреть в рот намеченной жертве, искренне восхищаться, не боясь переборщить, грубо льстить и во всем демонстрировать беспомощность. Всего-то!

Раз плюнуть деревенской жительнице, прожившей большую часть жизни без мужчины в собственном доме с огородом!

И, словно издеваясь надо мной, авторы-мужчины утвер-

ждали обратное: для того, чтобы заставить мужчину охотиться, надо играть с ним (как не вспомнить Дарью?), провоцировать, быть остроумной, ядовитой, стервозной – роковой женщиной.

На ум приходили Манон Леско и Шэрон Стоун – женщины, коллекционирующие разбитые сердца, кошельки и виллы с яхтами.

Дама пугала вероломством.

...Следуя инструкциям, я должна была отрабатывать технику обольщения на коллегах, попутчиках в автобусе, покупателях в магазинах, прохожих и прочее, и прочее...

Последовательно: взгляд в упор, полуулыбка, смущение.

Сколько я ни тренировалась, держать взгляд не могла, трусила и прятала глаза. К слову сказать, подопытные мужчины смущались не меньше моего, нервничали и тоже прятали глаза.

Между тем все продолжалось без изменений – я ездила на работу, брала пробы, выдавала анализы, по-прежнему задавала себе вопрос: «Господи, ну почему я не ящерица?» – и, как солдат на плацу, отрабатывала походку топ-модели, все реже вспоминая об авторе анонимного послания.

Весна – лучшее время для обольщения – проходила впустую.

«Неужели все зря?» – спрашивала я себя.

С веранды, где обычно я сидела, погруженная в размыш-

ления о жизни, был виден по-зимнему голый сад, за садом как на ладони лежал двор дома номер 11.

«Через месяц-полтора соседний дом полностью закроет зелень», – без видимой связи подумала я.

Вдруг за забором наметилось движение: дверь открылась, в проеме мелькнул парень с голым торсом, на улицу вырвался лабрадор – палевый красавец.

– Тихон, гуляй, – велел хозяин пса и приступил к упражнениям на перекладине под притолокой.

Я успела несколько раз сбиться, пока считала, сколько раз подтянется этот деятель.

Затем сосед вышел на крыльцо, положил одну ногу на перила, потянул руку к носку. Поменял ногу. Я затаила дыхание: тело у парня было просто великолепным. Гойко Митич, Сильвестр Сталлоне – ни дать ни взять.

Меня прошиб озноб, кожа стала гусиной. «Вот это да-а!» – выдохнула я, решив в срочном порядке установить дипломатические отношения с приграничной территорией и выяснить, чем занимается сосед. Что у него с лицом, что с голосом? Может быть, он спасатель? Или пожарный? Или десантник?

Воображение рисовало пылающий Дом малютки, заложников в Дагестане, подорвавшуюся на противотанковой мине БМП или сбитый в Грузии украинскими инструкторами противовоздушной обороны наш самолет-разведчик.

Сосед с рельефной фигурой продолжал растяжки – теперь

он садился на шпагат.

«Вряд ли он вообще помнит, что устроил кому-то грязевую ванну, – без труда убедила я себя, – сейчас пойду и посмотрю ему в правый глаз».

Я накинула цветастую шаль и по всем правилам дефиле выплыла на крыльцо.

В тот же миг brutальный сосед кинулся в дом, будто его застали за развратными действиями в голом виде!

Забытый на улице Тихон возмущенно затывкали, просясь в дом.

...«Успокойся! – уговаривала я себя всю дорогу на работу. – Мало ли что ему показалось! Это ничего не значит. Он, скорее всего, не рассчитывал, что в половине пятого утра кто-то может его увидеть. И что? Ну увидел кто-то, подумаешь, нежности какие! Барышня в бане, что ли?»

В лаборатории я окунулась в работу, и анализы полностью вытеснили из головы соседа и его неадекватную реакцию.

Я уже отдала справку Василию Митрофановичу и собиралась уходить домой, когда ко мне заглянул Гена Рысак и предупредил:

– Витольда Юрьевна, ты мне нужна. Минут через пятнадцать зайти.

– Зайду, – кивнула я.

– Ты что-то решила с паями твоим и матушки? – встретил меня вопросом наш горе-управляющий.

– Ген, тебе не все равно? – закусил я удила.

– Ты понимаешь, что твое упрямство мешает нашим планам?

– Нет, не понимаю, – честно призналась я, разглядывая управляющего.

В окружении телефонных аппаратов, два из которых не работали, карты на стене (как будто Гена планировал крестовый поход на авторов земельной реформы), когда-то желтых коротких штор и офисной мебели в духе загнивающего социализма Гена являл собой странный гибрид апологета коммунизма и делового человека.

– Ну что ж тут непонятного. Клиньями никто не будет покупать землю, – пустился в объяснения Геннадий Павлович, – ваши с мамой участки вклиниваются в общую площадь – ни себе, ни людям. Значит, тебе придется выходить из состава учредителей. Собрание должно подобрать тебе подходящий по размеру другой участок, равноценный. Головняк, Витольда, ей-богу! Может, уступишь?

– А почему ты со мной об этом разговор затеял?

– А кто должен его затевать?

– Покупатель, Гена, покупатель!

Я с осуждением посмотрела на Геннадия Павловича: до чего жалкий тип! Какие-то брючата, ворот клетчатой рубашонки подхвачен узлом нелепого пестрого галстука, а ботинки – прослезиться хочется. Ну какой из него Рысак? На моей памяти Гена никогда не был рысаком, даже в молодости.

сти.

Геннадий Павлович смутился под моим откровенно оценивающим взглядом и неохотно признался:

– Меня Жуков попросил поговорить с тобой.

– Гена, ты взрослый мальчик, чего ты стесняешься послать этого жука?

– Да нет, собственно, я не стесняюсь, – пробубнил Гена, а я подумала: «Хороший ты парень, Гена, но не Король».

Может, потренировать на Гене свое умение соблазнять? Или это слишком легкая добыча?

...Не понимаю, что на меня нашло? Утром сходила в душ, удобрила себя кремами, вышла на веранду с чашкой чаю. Сидела как на иголках, каждую минуту поглядывала на соседний двор: непроницаемые окна, наглухо задраенная дверь. Ожидание оказалось бесплодным, ни Тихона, ни мужественного соседа я так и не увидела. Как вымерли.

Весна стремительно прибывала, зацветали фруктовые деревья, сирень набрала цвет, скоро, совсем скоро соседний двор утонет в зелени, мне ни-чего-шеньки не будет видно!

Я посмотрела на Триша.

Время идет, а я все там же и с теми же. Даже бойкий консультант Жуков куда-то пропал.

Внезапно я поняла, что не могу больше ни минуты терпеть это роковое единство места, времени и действия.

Вспугнув Триша с его любимого места – с кресла на ве-

ранде,— решительно поднялась со стула, прошла в ванную, распахнула подвесной шкаф и нашла косметичку.

Так, что у нас имеется в арсенале соблазнения?

Доисторический блок компактной пудры, тубик туши «Мэйбеллин», оказавшийся непригодным к употреблению, и блеск для губ. И все. Неудивительно: ничего приличного в моей косметичке не водилось даже в институтские времена. Я подняла глаза к зеркалу. «Права Дашка, я похожа на жертву маньяка», — призналась я себе.

...Арсений объявился через неделю.

Выглядел консультант настоящим щеголем: отличная кожаная куртка, как бы потертая в некоторых местах, качественные джинсы, кожаная спортивная обувь.

В лаборатории сразу изменилась температура, влажность и атмосферное давление.

— Привет! — сунулся с поцелуем Арсений.

В этот момент я разводила кислоту и приказала глазами Арсению заткнуться.

Жуков боком протиснулся мимо, не преминув прижаться к моему бедру, присел на стул в углу у окна и с интересом огляделся.

— А это что? — спросил он, когда я сняла перчатки и выключила вытяжной шкаф.

— Что?

Арсений показал на колбу с надписью «C 2 H 5 OH».

– То самое, – похвалила я консультанта, – спирт это, Арсений, ты не ошибся.

Жуков шарил по мне таким взглядом, что беременность была почти реальной.

Сегодня я собиралась на работу с особой тщательностью.

Чуть подкрасила ресницы, нанесла на веки какие-то многозначительные тени (Франция, «хамелеон»), терракотовые румяна на скулы и блеск для губ, оказавшийся весьма кстати. Волосы захватила заколкой, выпустив живописный хвост.

Никакой особой цели я не преследовала, поверьте.

Просто... Из чистого гуманизма!

Подумала: хорошо бы расшевелить Гену Рысака.

Чтобы управляющий распрямил плечи, вспомнил, что он мужчина, приоделся, приободрился, приударил и еще что-нибудь сделал, но не наполовину, а до конца, по-настоящему. Хватит паллиативов! Вся наша ферма, Заречье и жизнь в целом – сплошной паллиатив, сделка с собой.

Гена, как на грех, заглянул не вовремя, я считала кислотность молока и пустить в ход технику обольщения не могла.

– Какой ты сегодня симпатичный, Геннадий Палыч! – проворковала я, прислушиваясь к звуку собственного голоса. Готова побиться об заклад: таким голосом Ева подбивала Адама сорвать яблоко.

Гена от неожиданности забыл, зачем явился, а когда я приготовилась гипнотизировать его правый глаз, пошел пятнами и выскочил из лаборатории.

– А ты похожа на жрицу – такое у тебя загадочное лицо, – подхалимски улыбнулся Жуков.

– Ничего не выйдет, – срезала я консультанта.

– Ты о чем?

– Об алкоголе, сексе и земельных паях.

Арсений похлопал глазками.

– Не понимаю, о чем ты. Я чисто по-дружески заскочил поболтать, – стушевался под моим проницательным взглядом Арсений. – О чем задумалась?

Жуков плохо переносил неопределенность.

– Да, ерунда, – нахмурилась я, – ты что-то говорил обо мне соседу?

– Какому? Твоему?

– Ну не своему же!

– Да. Рассказал, как он уделал твое пальто и едва не переехал тебя. Посоветовал не попадаться тебе на глаза.

– Добрый мальчик. Спасибо, – проворчала я, – за заботу. То-то я смотрю, бедный шарахается от меня как от чумы.

– Ха! – воскликнул довольный Жуков. – Наверняка он же-нофоб! С такой-то рожей!

– Бери выше – ксенофоб!

Мне некогда было болтать – пора было выдавать анализы, время поджимало, уже несколько раз заглядывал Василий Митрофанович – не мог отвезти молоко на пищекомбинат без моей справки.

– Давай я тебя подожду, и пообедаем вместе где-нибудь, –

предложил Арсений.

– Давай, – согласилась я и подумала: «Почему нет? Не порсячий хвостик этот Арсений, как-никак директор консалтинговой компании, консультант по слияниям (вот, кстати, еще один аргумент) и объединениям. Вполне годится, чтобы стать донором. К тому же он будет думать, что это он меня соблазнил...»

...Обедали мы с Жуковым все в том же «Багратионе», в ресторанчике грузинской кухни.

Опять от меня несло коровником, опять у нас была на обед бутылка испанского сухого вина, опять у меня во рту горело пламя от соусов, а Арсений пытался завоевать мое доверие перспективными планами:

– Я привез для тебя «Положение о лаборатории». Мне нужны твои документы, копия диплома там, трудовой – короче, сама знаешь. Напишешь заявление, я заберу все с собой, вернусь с приказом, и приступишь.

– А где будет лаборатория?

– В областном центре.

– О-о, так далеко ездить? – огорчилась я.

От нашего городка до областного центра всего двадцать минут езды. Но дело не в расстоянии, а в сервисе: зимой придется мерзнуть на остановках, летом умирать от жары в автобусах.

– Сдай на права, машину дадим тебе, будешь ездить сама.

– На права? – У меня вытянулось лицо.

– Да. Тебя это пугает?

– Признаться, да, пугает.

– Ха! Это же не Москва! – в своей манере завопил Жуков. – Чего бояться?

Я вспомнила соседа-убийцу за рулем:

– Хватает придурков на дороге.

– Это ты о Шумахере, твоём соседе?

– Да.

– Между прочим, он парень боевой, по-моему, списан по состоянию здоровья.

Я расширенными глазами смотрела на Жукова, впитывала информацию как губка:

– Откуда знаешь?

– Военный билет держал в руках... А чего это ты порозовела?

– От вина, – лихо соврала я, а воображение опять услужливо подбросило вариации на тему героического прошлого странного соседа, – может, списан по контузии? Тогда ему пить совсем нельзя. Ни капли. Вот идиот!

– Ты не слишком близко к сердцу принимаешь прошлое этого типа? – Арсений впился в меня взглядом, от которого хотелось прикинуться ветошью.

– Неужели? Мне кажется, меня непосредственно касается его пагубная страсть к алкоголю.

Жуков усмехнулся и как-то слишком проникновенно пре-

дупредил:

– Не влюбись.

Я вскинула брови:

– По-твоему, я извращенка?

– Женщины – существа странные, чем больше жалости вызывает мужик, тем верней его шансы. Я не хочу, чтобы он разбил тебе сердце.

– Знаешь, мне иногда хочется, чтобы кто-то разбил мое сердце, но это вряд ли случится – я слишком рациональна.

Жуков как-то посерьезнел и сдавленно произнес:

– Ты мне очень нравишься, Витя.

– А по-моему, тебе нравятся мои земельные паи.

– Ну что ты заладила: паи, паи... – скривился Арсений, – я готов ради тебя на всякие безрассудства, а ты – паи!

– С тестостероном – это не ко мне.

– У меня все серьезно! – запальчиво возразил Жуков.

– Арсений Иванович, ты женатый человек, и вообще у меня другие планы.

– Витя, давай ты родишь ребенка, я тебя не брошу, буду помогать, – понес ахинею Арсений, хватая меня за руку.

– Справку о состоянии здоровья принесешь – тогда поговорим, – попыталась отшутиться я.

– Я здоров как бык, выносив как верблюд. Ты сможешь убедиться в этом, Витя, когда пожелаешь, – перешел на интимный шепот Жуков.

Только зоопарка мне не хватало!

– Арсений, успокойся, – прошипела я, пытаюсь вырвать руку, но Арсений точно с ума сошел. Он целовал мою ладонь, подносил ее то ко лбу, то опять к губам. Я беспомощно озиралась по сторонам – хоть бы официантка появилась!

– Ты чудо, Витя, – бормотал Жуков, – ты меня так заводишь!

Признание Жукова всколыхнуло в душе подозрение: что-то похожее я недавно слышала или читала...

Аноним?!

С губ уже готово было сорваться обвинение, но я обуздала эмоции: письмо я получила до знакомства с Жуковым.

Рука Арсения оказалась у меня на коленях, и я поблагодарила себя за то, что пренебрегла рекомендациями психологов носить юбки.

– Жуков, прекрати, – придушенным шепотом я пыталась остановить осатаневшего консультанта.

– Пойдем в машину. – Жуков бросил на стол купюру и потащил меня из зала.

Где-то я дала промашку, почему все так повернулось?

Кожаный салон «ауди» не казался мне подходящим местом для любви, я уперлась как ишак, не позволяя втолкнуть себя в машину. Физиономия у меня покраснела, волосы растрепались от сопротивления – Жуков обхватил меня сзади за талию и держал крепко, не выпускал, прижимаясь все сильнее. Еще немного – и этот маньяк изнасилует меня прямо на подножке своей машины! «Бедные ящерицы», – не к месту

вспомнила я.

– Арсений Иванович! – совсем близко раздался приятный мужской голос.

Жуков выпустил меня из своих лап и даже присел от неожиданности.

– Максим Петрович?

Я обернулась к неизвестному Максиму Петровичу, хлопнула вразнобой глазами и постаралась взять себя в руки.

Вот это да!

«Смотреть в правый глаз, – как в лихорадке вспоминала я инструкцию по обольщению, – смотреть в правый глаз, правый глаз отвечает за левое полушарие, левое полушарие – это эмоции. Куда? Куда?! Не смей отводить глаза! Улыбайся! Так, посмотрела вниз. Посмотрела вниз, теперь опять в правый глаз. Что там дальше? Блин! Не помню. Кажется, надо внимательно слушать...»

Что? Что такое? Он о чем-то спросил?

– Вы меня слышите? – донесся издалека бархатный низкий голос.

– Отлично! – восхищенно хлопая глазами, улыбнулась я.

Ну вот, очевидно, ляпнула что-то не то – посмотрел на меня странным взглядом. Мелочи, главное – зацепить. Для этого годится все, в том числе и невпопад сказанное слово.

Какой экземпляр! Мм!

Все мои мечты воплотились в этом начинающем сесть статном великане с высоким лбом, густыми бровями, прон-

зительным взглядом карих глаз на бледном лице с порочным ртом. А руки какие!

Кольцо на безымянном пальце? Ерунда!

Я не представляю угрозу его семье – у меня другая цель.

Плевать, что на мне нет юбки с разрезом, блузки в обтяжку и туфель на шпильке. Макияж... Макияжа тоже почти нет, но будем считать, что все наоборот: юбка с разрезом, шпильки, блузка в обтяжку и прозрачный макияж присутствуют.

Он поведется.

Не зря же я перелопатила горы макулатуры по искусству соблазнения, училась быть не просто женщиной, а Дамой.

Глядя на твидовый пиджак, на расстегнутую верхнюю пуговицу белоснежной сорочки, открывающую крепкую шею, на выбритый до синевы подбородок и вишневые сумасшедшие губы, я поняла: какое счастье, что я не тля и не американская ящерица! Пусть эти твари размножаются, как задумала природа – однополым зачатием, а я буду размножаться... тоже как задумала природа!

«Смотри в правый глаз!» – умоляла я себя, забыв, что от меня несет коровником, что я только что на глазах у Максима Петровича чуть не подверглась насилию со стороны Жукова, растрепана и скорее похожа на не очень удачливую девочку по вызову, чем на Даму.

«Смотри в правый глаз», – преодолевая дурноту, заставляла я себя.

Максим Петрович, оценивая, мазнул по мне взглядом и опять обратился к Жукову:

– Познакомь с девушкой, Арсений Иванович.

– А-а, это, э-э, наш будущий начальник химлаборатории, Витольда Юрьевна, – проблеял Жуков. Уровень адреналина в крови еще зашкаливал, дышал Арсений как после восхождения по отвесному склону Казбека.

Я протянула ладонь Максиму Петровичу:

– Можно Витольда.

– Максим, – с дежурной улыбкой на устах пожал мне руку красавец-мужчина. Если в этой безупречной с виду голове окажутся мозги, то я короную его.

«Не оценивай, будь доброжелательной, мужчины боятся оценок!» – просила я себя, хватаясь как за соломинку за технику обольщения.

Как обычно, в решающий момент силы изменили мне: колени дрожали, во рту пересохло, ладони вспотели. Представлять обольщение и обольщать – не одно и то же.

– Приятно было познакомиться, мне пора, – заявила я, трусливо озираясь по сторонам.

Через дорогу находилась остановка, и я хотела только одного: юркнуть в автобус, поскорей оказаться дома и устроиться с книжкой на диване.

– Витольда Юрьевна, – окликнул Максим Петрович, – подождите!

Я оглянулась.

Мужчины, склонив головы набок, рассматривали меня, как товар в витрине.

«Не забыть сказать Жукову, что на фоне Максима Петровича он не смотрится», – сказала я себе и приободрилась.

– Да?

– Ну, если уж вы здесь, то, может, проедем в офис? Документы у вас с собой?

– А! Конечно!

На ватных ногах я двинулась назад, глянула в черные, без зрачка, глаза и провалилась. «О господи, – взмолилась я, – не могу, не могу смотреть на него! Что же делать?»

– Моя машина к вашим услугам.

Я проследила взгляд Максима Петровича, и мы направились к лимузину.

«Так тебе и надо, козел», – ныряя в салон, подумала я о Жукове и тут же испытала приступ вины:

– А Жукова мы не берем?

В конечном счете разве не я мечтала о богатом выборе доноров? К тому же мужчины – существа стадные: не будет одного – не будет и второго.

– А зачем он нам нужен? – заговорщицки подмигнул Максим Петрович, осторожно касаясь моего локтя. – Мне показалось, он не по-джентельменски с вами обошелся. Я не прав?

Ответить я не успела.

– Я за вами! – завопил Жуков, и я поняла, что зря о нем

беспокоюсь.

Машина мягко тронулась с места и уже через десять минут парковалась перед трехэтажным зданием в купеческом стиле.

По широкой лестнице мы поднялись на площадку верхнего этажа, на которую выходили четыре звукоизолирующие двери из массива.

На одной я прочитала: «Француз Максим Петрович – председатель Ассоциации фермерских хозяйств».

С такой фамилией председательствовать в Дворянском клубе, а не у фермеров.

Максим Петрович отпер замок и распахнул передо мной дверь.

Ого!

Современный офис ассоциации, обставленный со сдержанным шиком, поражал воображение: стильный и дорогой, он скорее походил на штаб-квартиру правящей партии, чем на офис добровольно объединившихся нищих фермерских хозяйств. «Откуда деньги?» – успела подумать я.

– Присаживайтесь, – пригласил хозяин кабинета, и я с некоторой робостью присела к столу совещаний, оказавшись по правую руку от Максима Петровича.

События разворачивались чересчур стремительно для моего привыкшего к тихой незаметной жизни организма. В сознании не помещалось, что это воплощение мечты, темпераментный, харизматический мужчина, по предварительной

оценке настоящий Король, – теперь мой начальник.

– Кофе? Чай?

– Кофе.

– Фаина Романовна, – подняв трубку, небрежно бросил Француз, – два кофе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.